

1

Самый опасный из присутствующих в этой комнате — секретарь. Впервые прочитав эти слова, я невольно улыбнулась. Я наткнулась на них в одном старомодном романе — уютном детективе с развязкой в гостиной и с трупами чуть ли не на каждой странице. Расположившись в этом окружении, я без малейшего смущения углублялась в подробности их ужасной кончины в полной уверенности, что все закончится благополучно, все ниточки свяжутся и преступник будет передан в руки правосудия. Ура хитроумному сыщику! Однако в жизни все совсем не так. Всегда остаются неувязки, неряшливые растрепанные концы, как бы вы ни старались их подчистить. А правосудие... веру в правосудие я утратила давным-давно. С тех пор я прочитала «Беспокойную особу» бесчисленное множество раз: она стала одной из немногих книг, которые я привезла с собой в «Лавры», и, когда по ночам мне не спится, я тянусь за ней, и она всякий раз помогает мне забыться сном.

А улыбнулась я потому, что представила шок на лицах собравшихся в гостиной элегантно одетых леди и джентльменов, когда они

услышали, как детектив разоблачает злодея. «Секретарь, — изрек он, оборачиваясь и указывая на желчную старую деву, которая, как на жердочке, пристроилась на самом неудобном стуле, какой только нашелся в комнате. — Тихая, как мышка, она все это время находилась в самой гуще событий. Безмолвный свидетель, который смотрит, слушает и ждет момента, чтобы нанести удар. Одного за другим она устраняла тех, кто мешал ей, использовал ее и — это были самые безрассудные ее убийства — недооценивал ее».

Я прослужила секретарем почти двадцать лет, так что, естественно, позабавилась, узнав, что злодейка из «Беспокойной особы» — моя коллега. Я отождествляла себя с ней, видела, с каким вызовом она обернулась к обвинителю, и почти слышала, как наверняка слышала и она, звяканье пробки, вынутой из хрустального графина, когда ее уводили: потом, когда за ней закрылась дверь, ее хозяйева произнесли тост за правосудие. Этот звук, мелодичный звон хрусталя, мне хорошо знаком, он означает желанный шанс выпить в конце хлопотного и напряженного рабочего дня. *Кристина, вы не составите мне компанию?* И я всегда соглашалась, ни разу не сказала «нет».

«Беспокойная особа» вышла полвека назад, но, похоже, должность секретаря тех времен мало чем отличалась от нынешней. Ох уж это умение становиться невидимкой! Поразительно, сколько разговоров происходит в присутствии нас, секретарей, будто нас не существует. Роль безмолвного свидетеля мне привычна. Смотрю, слушаю — тихо, как мышка, в самой гуще событий; мои преданность и ответственность никогда не вызы-

вают сомнений. Однако именно за эти качества, преданность и ответственность, я дорого заплатила. Меня унизили самым что ни на есть публичным образом.

Ненавижу представлять, что стало бы со мной, если бы не спасительные «Лавры». Здесь я нашла убежище. Никто не принуждал меня приехать сюда — я сама сделала этот выбор, хоть и по не зависящим от меня обстоятельствам. И все же я не решаюсь называть себя жертвой. Скажем так: я взяла небольшой тайм-аут, чтобы обдумать следующий этап своей жизни. Сорок три года — слишком рано для выхода на пенсию.

В попытке применить профессиональную этику здесь, в «Лаврах», я поставила перед собой задачу привести прошлое в порядок. Я прибыла сюда с полными пакетами газетных вырезок, которые раньше устилали полы в моем доме. Собрав все до единой, я привезла их с собой и успела развернуть каждую, разгладить сгибы, рассортировать в хронологическом порядке и подготовить к вклеиванию в альбом. Этот внушительный, красивый фолиант в кожаном переплете подошел бы для свадебных фотографий. Наверное, это своеобразная терапия: каждая оформленная мною страница переводит часы назад и возвращает меня в прошлое.

Кто бы мог подумать, что имя Кристины Бутчер вообще когда-нибудь попадет в газеты? Или что кому-то понадобятся мои фотографии? И тем не менее вот она я, в центре всеобщего внимания. Я на короткое время очутилась в прошлом, в две тысячи двенадцатом году. Скорее всего, большинство читателей лишь бегло просматривали сведения обо мне, скользили взглядом по строч-

кам, пока не останавливались на том, что принимали за самую суть истории. Они забудут мое имя. Я самый обычный человек и попала в газеты лишь потому, что несколько раз сделала сомнительный выбор — как, думаю, в моем положении поступили бы многие.

2

Не стану кривить душой: я пришла в восторг, узнав, что буду работать в головном офисе сети супермаркетов «Эплтон». Как-никак нечасто руководителей высокого ранга знают по именам или видят на фото в газетах, но Мина Эплтон, дочь лорда Эплтона, главы одноименной компании, была всегдаем вечеринок для знаменитостей и любимицей авторов разделов светской хроники. У нее имелась и собственная колонка, которую я с удовольствием читала. Советы, как быстро и просто приготовить ужин для всей семьи, Мина разбавляла небрежными упоминаниями об известных друзьях, которых принимала у себя.

Вообще-то на встречу с самой Миной Эплтон я не рассчитывала. К работе меня привлекли временно, чтобы заменить одного из секретарей на время отпуска. Для меня было делом чести приложить все усилия, чтобы отсутствия отпускницы никто не заметил, и я стала незаменимой. Расставаться со мной не захотели, так что попасть в поле зрения Мины стало для меня лишь вопросом времени.

Помню, как она заговорила со мной в первый раз. Час был обеденный, и я, как обычно, сидела в офисе одна: держала оборону, пока отсутствовали другие секретари. Я всегда прино-

сила с собой из дома бутерброд и съедала его за своим столом, чтобы уйти с работы ровно в пять. Моей дочери Анжелике тогда было четыре года, и я старалась возвращаться домой к ее вечернему купанию и укладыванию в постель.

— Он на обеде? — Мина спрашивала о финансовом директоре, пост которого в то время занимал мистер Бересфорд, Роналд Бересфорд.

— Да, — кивнула я — наверное, слегка ошарашенная тем, что говорю со знаменитостью.

Она направилась напрямиком в его кабинет и закрыла за собой дверь, а я встала, чтобы отряхнуть с юбки крошки. Тогда я и увидела ее через внутреннее окно в кабинете мистера Бересфорда. Она рылась в ящиках его стола, вынимала оттуда какие-то бумаги, пока не нашла то, что искала. К тому времени когда она вышла, я успела сесть и сделать вид, что занимаюсь работой, но она, кажется, забыла обо мне напрочь.

Некоторое время я слушала, как она что-то бормочет, стоя у ксерокса, а когда подняла голову, увидела, как она раздраженно тычет пальцем во все кнопки подряд. И лишь когда я развернула пачку бумаги, заправила лоток, а потом заменила пустой картридж и вернула технику к жизни, Мина обернулась ко мне.

— Сколько вам копий? — спросила я.

— Две, — ответила она и стала смотреть, как я копирую, перебираю и скрепляю документы степлером.

Внутренний голос подсказал мне, что она хочет унести их в простом коричневом конверте, и я нашла как раз такой и сама положила в него копии.

— Если не ошибаюсь, раньше мы не встречались?

— Я здесь всего лишь временно, — сообщила я, хотя в глубине души считала иначе. Из секретарей отдела я была самым надежным и ответственным. — Хотите, я сама верну на место оригиналы?

Она взглянула на меня, улыбнулась, и это было удивительно. Мало кто из людей наделен таким даром, но у Мины он имелся в избытке. Тот, на кого она направляла сияющий луч своего внимания, словно озарялся изнутри. Естественно, я почувствовала себя если не особенной, то по меньшей мере имеющей значение. В тот момент я действительно имела значение для Мины.

— Мина. — Она протянула руку для рукопожатия. — Мина Эплтон.

— Кристина Бутчер.

В моей руке ее ладошка казалась крохотной.

— Приятно познакомиться, Кристина. — Она снова улыбнулась. — Незачем сообщать мистеру Бересфорду, что я заходила сюда. — Она задержала мою руку в своей еще на мгновение, потом ушла.

После ее ухода я отнесла скопированные ею документы назад в кабинет, и смеющиеся глаза мистера Бересфорда следили за мной с фотографии на его письменном столе все время, пока я наводила порядок и заметала следы Мины. Он так ничего и не узнал, а я напоследок взглянула на него: одной рукой он обнимал жену, две их маленькие дочери держались за руки, стоя впереди родителей. Я по-

правила его кресло и вернулась к себе, чтобы продолжить обед.

Две недели спустя мне позвонила мисс Дженни Хэддоу — секретарь отца Мины, лорда Эплтона.

— Мина ищет нового секретаря, всплыло ваше имя, — сообщила она.

Вот так все и вышло. Мина, должно быть, наводила справки обо мне. И разузнала только, что я пунктуальна, расторопна и, возможно, что я замужем и у меня есть ребенок. Она могла взять в секретари кого угодно, но выбрала меня.

3

«Добро пожаловать в мой дом! Входите смело и по доброй воле!» Дело происходило в Ноттинг-Хиллгейт, а не в Трансильвании, дом принадлежал Мине Эплтон, а не графу Дракуле, но если бы я в то время знала то, что знаю теперь, я не переступила бы его порог так смело.

День, когда я позвонила в ее дверь, был субботним, полдень выдался пронизывающе холодным — стояла середина зимы, — но я помню, как тепло мне было на этом пороге. Меня согревала перспектива будущего, но каким оно окажется, я не предвидела. Жар, в который меня бросает сейчас, ощущается совсем иначе: мой организм перенасыщен гормонами, и кажется, будто они медленно отравляют меня. Мне объяснили, что это ранняя менопауза.

Раньше я никогда не бывала в Ноттинг-Хилл, и его растительное великолепие в самом сердце Лондона стало для меня откровением. Дом Мины стоял в ряду шестиэтажных зданий блокированной застройки пастельной расцветки и был обращен фасадом к парку, разбитому специ-

ально для местных жителей, — привилегированному уголку, доступному лишь тем, у кого есть ключ. То есть домовладельцам и тем, кто на них работает.

Мина открыла мне дверь сама, и я удивилась: я ожидала увидеть хотя бы приходящую помощницу по дому.

— Давайте-ка я его возьму.

Я отдала ей свое пальто, и она встала на цыпочки, чтобы повесить его на крючок. Только тогда я заметила, как мала она ростом. На работе она носила высокие каблуки, но по собственному дому шлепала босиком. Осмотревшись, я поняла, что дом даже просторнее, чем я думала, помедлила, осваиваясь в новой обстановке — вдыхая непривычные запахи, поднимая взгляд в поисках источника странного, какого-то технического шума на верхнем этаже.

— Это лифт, — объяснила Мина. — Раньше в этом доме был отель. Детей лифт привел в такой восторг, что мы решили его оставить. Я только что отправила их в нем наверх. Идем?

Этот лифт никогда не внушал мне доверия: из тех, какие можно увидеть в маленьких французских отелях, — полированная бронза, красный ковер, шикарный, но капризный механизм, якобы рассчитанный на пятерых, но даже вдвоем в нем было тесновато.

— Большое вам спасибо, что согласились пожертвовать субботой, Кристина. Я-то знаю, какая это ценность — выходные.

Я последовала за ней мимо распахнутой двери гостиной — мелькнули бархатные подушки, широкие диваны, огонь в камине. Мы

спустились по лестнице в кухню на цокольном этаже, которую позднее она стала называть душой своего дома. Я думала, там будет мрачно, но Мина что-то сделала с освещением, и кухня выглядела очаровательно. Гораздо волшебнее, чем любые театральные декорации, какие мне доводилось видеть, — будто солнце неким удивительным образом просвечивало сквозь кирпичную кладку. Молочно-белый шар лампы над столом напомнил мне полную луну. Все это завораживало. В нашем доме кухню освещала единственная лампа дневного света. Нам и в голову не приходило чем-нибудь ее заменить.

Это было настолько в духе Мины — провести собеседование у себя дома, а не в деловой обстановке офиса. Ей нравилось вести бизнес именно так, сглаживая острые углы, чтобы коммерческие сделки выглядели интимными и уютными.

— Пожалуйста, садитесь, Кристина.

Втиснувшись на диванчик у стола, я смотрела, как она, обернув руки льняным кухонным полотенцем, вытаскивает противень из духовки «Ага». Золотистое печенье потоком съехало с противня на блюдо. Даже сейчас, стоит мне закрыть глаза, я чувствую его аромат. Мне не составляет труда воскресить в памяти, как это было — впервые очутиться у нее в кухне. Попытки Мины изобразить непритязательность, ее старания помочь мне расслабиться. Она ухитрилась сделать так, что я, двадцатипятилетняя обладательница резюме, выдающего острый дефицит опыта, какой бы застенчивой ни была и как бы ни боялась ее разочаровать, почувствовала себя как дома.

— Что вам налить, Кристина, — чай, кофе?

Мне нравилось, что она то и дело произносила мое имя. *Пожалуйста, Кристина. Благодарю, Кристина.*

— Кофе, будьте добры.

Через дальнее окно я видела двор, где солнце просвечивало сквозь ветви дерева — такого огромного, что оно почти всегда затеняло небольшое пространство возле дома. Это была поздно цветущая магнолия. Ее соцветия благоухают лимоном, упавший с дерева цветок можно положить в блюдец с водой, и тогда аромат будет ощущаться целую неделю, еще долго после того, как лепестки потемнеют и увянут.

Мина присела ко мне за стол и лишь после этого завела деловой разговор, хотя я, обольщенная ею, считала его просто беседой.

— Сколько лет вашей дочери, Кристина? У вас ведь дочь?

— Да, Анжелика. Ей четыре.

— Анжелика. Прелестное имя. Редкое.

Мы сидели так близко, что я видела веснушки у нее на носу и легкую синеву под глазами. Она обошлась без макияжа. Хорошая кожа, идеальные белые зубы. Распущенные волосы — густые натуральные локоны, змеями вьющиеся по плечам. Красота ее волос всем известна, и даже теперь меня поражает то, что они как будто почти не требуют ухода. Все остальное со временем утратило былую красоту, но только не ее волосы. Они по-прежнему необыкновенно хороши.

— Молоко? Сахар?

— Молока, пожалуйста. Сахара не надо.

14 Спасибо.

Она налила кофе в чашку и поставила ее передо мной.

— Извините, — подавив зевок, сказала она. — Сегодня рано утром я ездила в Барнет, в один из магазинов сети. Я опробую там новый вариант оформления — новый колорит. Хочу, чтобы он создавал вот такое *ощущение*. — Она подняла свою кофейную кружку в синюю и кремовую полоску, марки «Корнишуэр». Я сразу поняла, что она имеет в виду: ностальгию по уюту. — Я говорю «я», потому что моего отца *ощущения* интересуют в меньшей степени — он охотно оставил бы все как есть, но бизнесу необходимы перемены, если мы хотим сохранить нашу постоянную клиентуру. — Она пододвинула ко мне блюдо с печеньем. — Угощайтесь, пожалуйста, Кристина. — И сама взяла одно, подержала его в руке, но так ничего и не съела за все время, которое я провела у нее.

Убежав из дома без завтрака, я была страшно голодна и взяла второе печенье.

— Честно говоря, результат меня разочаровал, поэтому оформление придется разрабатывать заново. Вот что вам нужно знать обо мне, Кристина: лишь когда я вижу что-то уже воплощенным, я могу определить, годится это «что-то» или нет. И если не годится, я это меняю.

Я не подозревала, что это относится в том числе и к людям.

— И мне неважно, сколько переделок понадобится. Понимаю, это наверняка всех бесит. — Она пожала плечами.

На самом деле ей не было и до сих пор нет дела до того, *бесит ли она всех*. Вот чем я когда-то восхищалась, так это ее умением просто не